

Собеседник-1997. - № 10. - с. 10

Все знают слова Валентина Гафта: «Гораздо меньше на земле армян, чем фильмов, где сыграл Джигарханян». Однако сегодня много говорят о новой роли Армена Борисовича, которую он играет в жизни — роли художественного руководителя нового драматического театра.

— Как вам пришла в голову идея создать свой коллектив? — Все началось с того, что в девяносто пятом году студенты моего курса закончили ВГИК. И я из института ушел, потому что там было то же, что и везде: система баррикад и траншей. Мы — здесь, студенты — там. Мы в них стреляем, а они в нас. А у нас на курсе была, если выражаться языком Михалкова, территория любви. И вот мои студенты остались на улице бесхозные и невостребованные. Мне стало за них так обидно! Они, конечно, могут заработать на жизнь, меняя профессию: я знаю, кто-то из них дворником устроился и свои две копейки имеет. Но среди них были люди, рожденные для театра, и я решил собрать

свой коллектив и с ним работать. Если бы я тогда знал, что это за адский труд — создание театра, я бы за это не взялся. Но нам очень помог Лужков. Я пришел к нему... — Просто так? — Просто. Юрий Михайлович меня выслушал, похмурился, посмотрел... И дал нам, во-первых, статус государственного драматического театра, а во-вторых, помещение — бывший кинотеатр «Прогресс». Теперь мы будем эту площадку осваивать, делать ремонт. На это уйдет года два-три, так что пока играем в маленьком здании рядом с метро «Спортивная». На ремонт нам нужны огромные деньги, может быть, опять пойду к Лужкову, буду у него в ногах валяться. — Ходить-то можно...

— Он — бог для нас, говорю честно и откровенно. Без его помощи мы бы рассыпались, стали бы думать только о хлебе насущном. Ведь зарабатывать, как вы знаете, ни один театр в мире не может, это дело убыточное. А теперь у нас есть зарплата, нам как государственному театру Министерство культуры дает деньги на постановки. Мы, правда, много ездим по стране, что-то зарабатываем сами. Нам многие помогают. Например, Галина Волчек подарила кресла для зрительного зала. Марк Захаров разрешил пользоваться студией звукозаписи бесплатно. Костюмы они нам дарят из своих костюмерных. — Трогательно. — Замечательно! Дай Бог, мы встанем на ноги, тоже кому-то поможем. А пока — будем работать. — Вы весь свой вгиковский курс взяли в театр? — Нет, только девять человек. Остальные разбежались. Я выбрал путь естественного отбора: все им разрешил, даже не ходить на занятия. А потом судил по результатам. — А блатных много было на курсе? — Ну, как сказать, блатные... Были люди, которых я до-

лжен был взять, дети моих друзей, например. Но я не считаю, что это плохо. — А в свой театр вы бы блатных взяли? — Я, конечно, могу не заметить, и они проникнут. Но в театре обязательно выяснится, что кто-то любит Софронию, а я — Шекспира, кто-то суп, а я — борщ. И опять происходит естественный отбор. Ведь в театре очень важная совместимость — мы же на сцене дышим друг другу в рот. Театр ведь живет по законам монастыря. — В чем же это проявляется? — Да во всем, начиная с того, что перед спектаклем нельзя есть чеснок и пить водку, и заканчивая... Может быть, вам это покажется надуманным и литературным, но каждый играющий Гамлета должен сам быть немного Гамлетом. Иначе это не театр. Вы же можете и в библиотеке «Гамлета» прочитать. Нет человека в мире, который бы не знал, чем кончится «Отелло». Но люди все равно ходят в театр, чтобы посмотреть, как ЭТОТ Отелло задушит ЭТУ Дездемону. А если актеры сыграют плохо, то зритель уйдет обманутым и неудовлетворенным. — Потом эти три часа заканчиваются... И актерский коллектив превращается в террариум единомышленников? — Не рассуждайте так, это дурно. И это неправда. Если бы было так, в театре бы никто не работал. Зачем? Там мало платят, человек в театре теряет здоровье... А держится он на величайшей любви. Когда я сравнивал его с монастырем, я делал это без особого умиления. Там тоже есть свои жесткие условия. Я сорок с лишним лет работаю в театре и знаю, что все разговоры про террариум — ложь, поверьте мне. — Когда вы набирали курс во ВГИКе, вам не хотелось сказать ребятам: какого черта вы сюда пришли? Актер себя сегодня прокормить не может... — Мне кажется, они должны заниматься своим делом. Театр очень близок к природе, и тяга к нему естественна. Это как любовь. Я дружил с Тиграном Петросяном, чемпионом мира по шахматам. Он однажды сказал: «Когда я долгу не играю в шахматы, у меня начинаются головные боли». Вот и к театру такая природная тяга, стремление к гармонии. — Игра на сцене спасает вас от чего-то в жизни? — От многого, я даже не знаю, с чем это можно сравнить. Я совсем не романтичный человек, а скорее прозаический, но на сцене испытываю восторг, как от дождя, ветра! Говорят ведь, что в обыденной жизни мы используем всего-навсего десять процентов от отпущенного человеку потенциала. А на сцене есть некая полнота существования. Вы, наверное, знаете, что у актера на сцене проходит жутчайшая головная боль, он может в жизни заикаться, а в пьесе — как не бывало. У актеров ведь друг с другом связь пострашнее, чем у альпинистов, идущих в одной связке. Правда, у нас предательство не смертельно... — Вас никогда не обижало, что режиссеры старались скрыть пустоту придуманных ими образов за вашим талантом и артистической значительностью? Знали: если есть Джигарханян в кадре — зритель уже смотреть интересно. — Не обижало. В нашем деле — как в любви: есть бешеное желание играть. Потребность выразить себя: спорить на экране, любить, удивляться. Это очень сладкая профессия, извините за гастрономический термин. — Значит, вы никогда не отказывались от ролей?

— Не помню случая, чтобы я бросил роль режиссеру на стол. Может, я хорошие роли играл. Хотя нет, всяко бывало, особенно когда в провинции служил. Но я, как пела Эдит Пиаф, в ответе за все, что совершаю, и ни о чем не жалею. — Меня всегда занимало, что такого брутального мужчину привело на сцену. Мне казалось, что актер должен быть всегда на нерве, с психопатией некоторой, что ли... Не очень-то это мужское дело... — Педераст, что ли? — Ну, типа того... — Это заблуждение! Искусством занимаются только здоровые люди! Не слушайте, что Эль Греко был сумасшедшим, а Достоевский — эпилептиком. Сила Достоевского была в его здоровом мышлении, в его поразительном нюхе. — Здоровье, по-моему, вообще не критерий таланта... — Я имею в виду психическое здоровье, не геморрой там... Театр — дело очень сильных людей, в нем все поры задействованы. Хотя есть мнение, что это дуплоное занятие, что у актера даже признаки пола стираются, начинают действовать истинные чувства, он уже не мужчина и не женщина, а некая особь. — Почему сейчас почти нет выразительных мужских лиц на экране — лиц, которые стоят крупного плана, среди молодых актеров? Где герои нашего времени? — Вы очень любопытную вещь затрагиваете, но я не знаю, отчего так происходит. Может быть, это отрыжка «артеков» всяких — времени, когда очень ценилось умение быть в толпе и не высываться. Жизнь за это награждала. — Кто для вас сейчас драматург номер один? — Без Пушкина, Шекспира, Чехова жить просто нельзя. Я посмотрел послужной список среднего английского актера — не Лоуренса Оливье и не Джона Гилгуда, — так он за свою театральную жизнь играет как минимум десять шекспировских ролей. Быть актером и не играть Шекспира — невозможно. Для меня есть два гения в драматургии — это Шекспир и Чехов. — Но вы-то Шекспира почти и не играли... — Да. За все сорок лет я в Ереване играл Ричарда да и из Чехова в кино сыграл лишь Шамраева. В этом смысле я обделенный артист. А ведь Шекспир — это потрясающая школа. В его пьесах другой мир, совсем другое дыхание. Все наши коммуналные переживания сразу уходят. Вот Ричард говорит: «Никто меня не любит./ Никто, когда умру, не пожалует./ Каким любить, когда в себе самом/ К себе я жалости не нахожу?» Кто сейчас так мыслит? Чтобы его играть, как говорят спортсмены, такая дыхла должна быть! — В своем театре вы Шекспира будете ставить? — Я сам ничего не ставлю. Только приглашаю режиссеров. Стура хочу пригласить, Захарова. Но я отвечаю за постановки в моем театре. Я же подписываюсь под афишей и потому не могу сказать, что это дерьмо — не мое. — Вы руководствуетесь в жизни только соображениями творчества. А вам не хотелось когда-нибудь, скажем, много денег зарабатывать? Ведь совсем малоизвестные актеры ведут шоу на телевидении, зашибают бешеные бабки?

— Мне многое хотелось бы. Но это не мое. Я это не умею. Мне сейчас предлагают открыть кафе моего имени. Я отказываюсь. Хотя это сулит большие деньги и я смог бы жить безденно. Но я бы стал по ночам ерзать в постели. Поверьте, если бы я знал, что это поможет моему театру, — сделал бы над собой усилие... Но тут есть опасность стать в этой роли смешным и нелепым человеком. Дедом Морозом таким, плохим и пьяным. — Жуткий образ. А деньги для вас что-то значат? Вы — богатый человек? — Нет, хотя живу нормально. Деньги я трачу, и накопленный у меня нет. Нет вкладов, нет недвижимости. У меня одна машина, вторую я купил жене. Дач тоже нет ни одноэтажных, ни двухэтажных. Я люблю вкусно поесть, выпить, могу на это потратить деньги. А вот «Мерседес», например, никогда не хотел купить. Хотя ездил и в «Мерседесах», и в «Фордах» — это идеальные машины. Но к ним должны быть идеальные дороги, бензин, техобслуживание. Одеваюсь я не дорого, а удобно, и мне неважно, что скажут другие. Я как-то ехал в поезде с одним замечательным артистом. Посмотрел на его ноги, а они у него — как у ребенка, без мозолей. Он мне раскрыл секрет: знаете, я всю жизнь ношу обувь на размер больше. А что об этом говорят — мне неинтересно. — Вы — независимый человек? — Как я могу быть независимым в зависимой стране? Но я никогда не пытался угодать. Гнущаяся не надо. Хотя и приходится иной раз просить за себя или за других. — Много ли вокруг вас близких людей, друзей? — Есть люди, которых я люблю, но актеров среди них мало. С актерской средой у меня сложно. Есть те, с кем я общаюсь, но домами не дружу. Есть те, на кого я опираюсь, но их мало очень и с годами все меньше и меньше. — Что-нибудь вас напрягает в сегодняшней жизни? — Многое, я тоже иногда жалуюсь. Грязно. Холодно, а я не люблю холод. А о времени не мне судить. Я здесь родился. На этих машинах ездил. Мне вот только не нравится, когда в аэропорту нас загоняют в накопитель. А политической я абсолютно не интересуюсь. Не знаю, про что это. Сыграть бы какого-то политика мог, если бы это было художественное произведение, а не цитата. Мы и так играем современные произведения. Мольера, например. Потому что он хороший драматург. Ведь человеческие отношения очень мало изменились. Главные страсти, на которых человек дер-

В театре очень важна совместимость — мы же на сцене дышим друг другу в рот.

Есть мнение, что театр — это дуплоное занятие, что у актера даже признаки пола стираются.

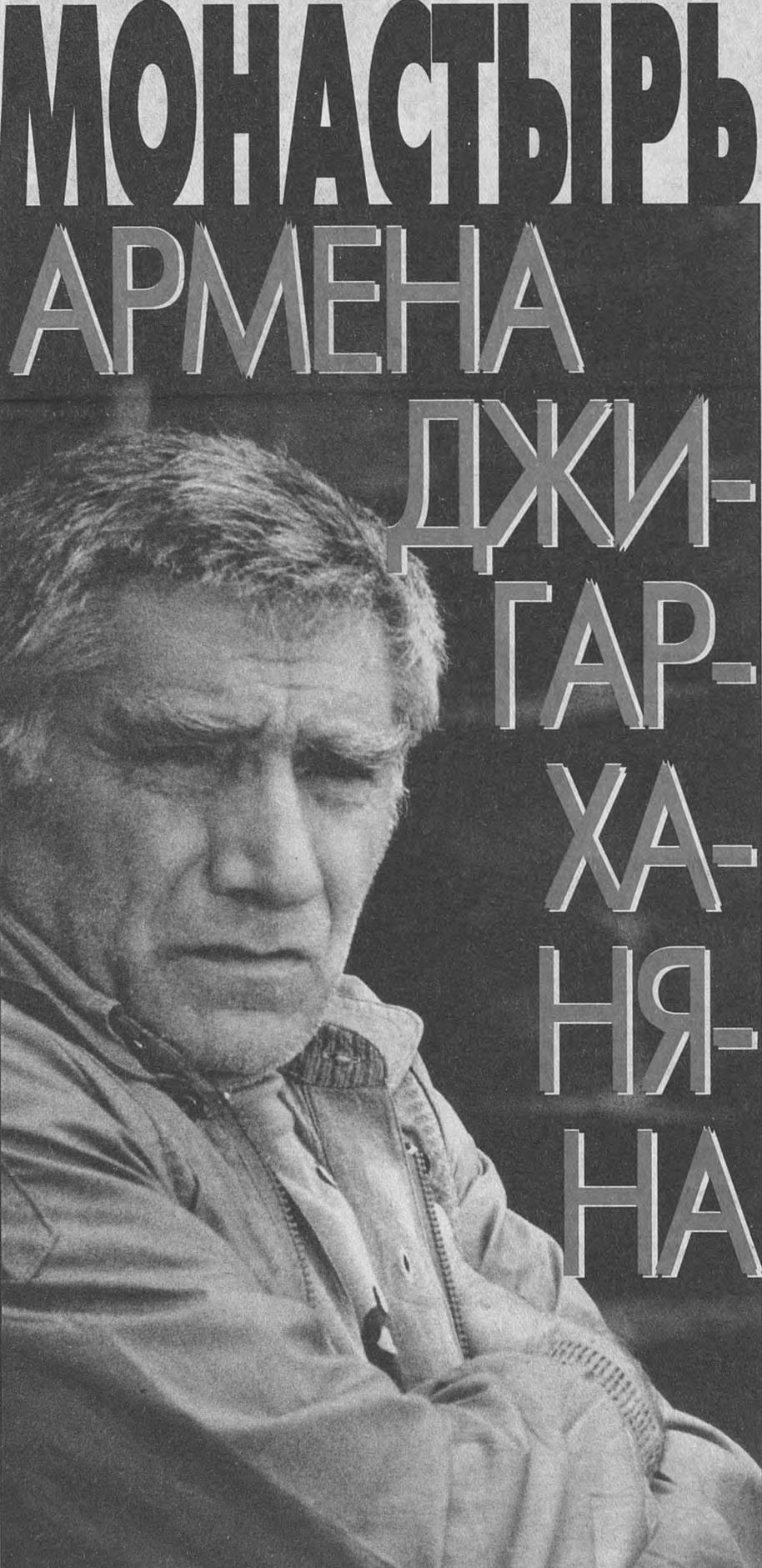

фото Якова Титова

жится, — неизменны. Только моды становятся другими. А что-нибудь в самом великом чуде, которое природа сотворила — зачатии, вынашивании плода, рождении ребенка, — изменилось? Поэтому когда Шекспира и Чехова читаешь, то думаешь — это же про меня написано. А все эти пейджеры-шмейджеры... — В каких вы отношениях с возрастом? Чувствуете ли вы его? — Физически — иногда. Устаю быстрее, какие-то искусственные вещи появились у меня в организме. А вот аксакалом себя не ощущаю. Иногда даже замечания мне делаю, что я себя с ребятами несолидно веду. Кураж у меня еще есть. Но с возрастом я что-то начал понимать, что-то отличать. Больше себя слушать, а не чужое мнение. Говорят же: познай себя, и ты познаешь мир. А это самое трудное — познать себя.